
ОГЛАВЛЕНИЕ

Метод.....	7
Где у тебя болит.....	10
Поиграем.....	49
Хроники городской жизни.....	57
Девчонки.....	67
Это.....	79
Испагань не для всех.....	99
Меценат.....	104
Вечеринка.....	112
Сны про море в ночь с воскресенья на понедельник.....	121
Эфраим.....	131
Халтурщик.....	144
Когда мы сюда пришли.....	179
Закрой глаза.....	186
Час Елены.....	197
hostforsale.com.....	212
Сложный.....	248
Люди холмов и тумана, люди ветра и тьмы ..	259
Четыре имени Начала.....	266
Письма про Рагнарёк.....	285

МЕТОД

На высоком лесистом холме, оплетённом корнями деревьев, в вечном полумраке их крон, я закопаю свою первую смерть. Пусть прорастёт остролистным клёном, зеленеет всё лето и вместе с другими такими же молодыми побегами зачахнет без солнца, ещё до начала зимы.

На берегу неглубокой, быстрой, весёлой речки, что течёт с востока на запад, когда не петляет (а петляет всегда), среди крапивы и клевера закопаю свою вторую смерть. Пусть прорастёт бересклетом крылатым; я не придумываю, бывает такой бересклет. Пусть три года растёт там реке на радость, цветёт, зеленеет весной и алеет осенью, плодоносит диковинными штуковинами, похожими на лопнувшие сердца. А четвёртое лето пусть окажется щедрым на ливни, река разольётся, затопит берег, вырвет куст бересклета с корнями и унесёт.

В чужом палисаднике за дровяными сараями закопаю свою третью смерть. Пусть прорастёт там полынной амброзией, которую всякий садовник, каким бы

лентяем ни был, как только заметит, сразу же выполет, не пощадит.

На тропинке в Нагорном парке, не проложенной, а протоптанной, закопаю свою четвёртую смерть. Пусть прорастёт там берёзкой, тоненькой, хрупкой, распустит первые листья, в сентябре эти листья начнут желтеть, и тогда какой-нибудь невнимательный любитель природы, пробираясь по парку в сумерках, нечаянно на неё наступит специально купленным для прогулок трекинговым башмаком.

В подвале старого дома на дальней окраине города, в земляном полу закопаю свою пятую смерть. Пусть она окажется мандариновой косточкой, у которой в тёмном подвале без окон ни единого шанса нет прорасти.

На Кафедральной площади, глубоко под которой протекает русло тайной реки Кочерги (она давным-давно стала подземной и сама о себе забыла, да город её не забыл), где-нибудь под колокольней, которая изредка на закате, когда на шпилье вместо креста сияет заходящее солнце, становится; ладно, допустим, просто кажется маяком, в щели между плитками закопаю свою шестую смерть, пусть прорастёт одуванчиком, зацветёт не ко времени в ноябре и зачахнет от первых же заморозков прежде, чем успеет рассыпаться на летучие невесомые семена.

А свою седьмую смерть, самую маленькую, неказистую, нескорую, почти невозможную, незаметную в темноте, подберу, посажу на ладонь, осторожно

поглажу указательным пальцем, выкормлю своими самыми сладкими снами — что она съест, я забуду; невелика потеря, самые горькие останутся мне. Выращу, приручу, научу ходить по дорогам, плясать, смеяться и выглядывать из моих глаз, потому что если уж нельзя человеку совсем обойтись без смерти, пусть она будет такая, как я.

ГДЕ У ТЕБЯ БОЛИТ

*Все события вымышлены
(вымышленными персонажами),
все совпадения не случайны
(но не то, чем кажутся).*

1. РЕН

Рен (отродясь его так не звали, «Рен» это просто условное обозначение, чтобы каким-нибудь «иксом»-«игреком» не называть) вошёл в город ранним морозным утром самого первого дня третьего года нового тысячелетия. Причём действительно не прилетел и не въехал, а отдавая дань им же самим когда-то сочинённой традиции, вошёл пешком. Это на самом деле несложно устроить, если едешь междугородним автобусом: можно заранее попросить водителя высадить тебя у ближайшей к въезду в город автозаправки. Автозаправка — величайшее изобретение человечества, почти волшебное место, там можно выпить чего-то горячего даже утром первого января.

В общем, где выходить, понятно. Главное — не пропустить. Но Рен умел просыпаться в нужное время, когда сам решил.

Рен вообще довольно много умел такого, что может пригодиться в пути. Например, не поскользнуться на обледеневшем асфальте, не чувствовать тяжести

рюкзака и так ослепительно улыбаться, что даже дежурный на автозаправке, считавший выпавшую ему ночную новогоднюю смену почти настоящим несчастьем, чуть ли не худшей из бесконечной череды преследовавших его неудач, тоже заулыбался. И первым сказал: «С Новым годом». А залив кипятком растворимый кофе с порошковыми сливками, сам предложил незнакомцу добавить в этот гнусный напиток свой, из дома принесённый коньяк. Причём когда тот согласился принять угощение, почувствовал себя так, словно это ему самому коньяку бесплатно налили. И обняли впридачу. И твёрдо пообещали прекрасную интересную жизнь — что, кстати, чистая правда. То есть никаких обещаний дежурному, конечно, никто не давал, но жизнь у него потом и правда отличная вышла, даже немного жаль, что история не о нём. Но Рен, если что, ничего для этого специально не делал, оно так как-то само всегда получается с каждым, кто ему от сердца поможет или просто чем-нибудь угостит.

Город начинался буквально в сотне метров от автозаправки, о чём свидетельствовали дорожные указатели; впрочем, Рен и без указателей сразу понял бы, что в город вошёл. Пересечь границу между просто землёй и городом — такое же несомненное чувственное ощущение, как, к примеру, кота погладить или человека обнять.

Но поначалу встреча с городом больше всего была похожа на знакомство с огромной собакой — когда-то весёлой и добродушной, но давно потерявшей хозяина. И за годы скитаний успевшей подрастерять оптимизм и доверчивость, но, слава богу, пока не чутьё.

То есть в самый первый момент Рен почувствовал, что шерсть на загривке города встала дыбом — ты зачем, кто

такой? Но уже буквально секунду спустя город обнимал Рена всем собой, огромным и сложным, а вот прямо сейчас сейчас по-детски счастливым и по-детски же страшно, до слёз обиженным: почему ты, такой прекрасный, раньше не приходил?

Потому что так получилось, — думал Рен, пока шёл по обочине междугородней трассы, постепенно превращающейся в некое подобие улицы, даже с закрытым сейчас журнальным киоском и автобусной остановкой под прозрачным пластиковым козырьком. — Я не нарочно тянул, — думал Рен, — просто не умею быть везде сразу. Когда судьба привела, тогда и пришёл.

Ладно, главное, что наконец-то пришёл, — легко согласился город, которому уже надоело прикидываться обиженным. И обнял Рена ещё крепче. Практически весь, целиком, с домами, дорогами, парками, мостами, троллейбусами и телебашней у него на шее повис, так что устоять на ногах было решительно невозможно. Рен и не устоял. Рухнул в сугроб, который уже успел превратиться в ледяную горку, но по такому случаю быстренько снова стал мягким и рыхлым, чтобы такого хорошего гостя не ушибить.

— Ну ты балда, — ласково сказал городу Рен, вылезая из сугроба и поспешно отряхивая штаны, пока насквозь не промокли. И окончательно понял, что влип, как давно уже не влипал.

Рен любил человеческие города и умел с ними ладить. Не построили ещё город, с которым бы он не нашёл общий язык. Но тут был не просто «общий язык», а естественно любовь с первого взгляда, как только в юности с ним случилось, да и то всего пару раз. С одной стороны, чистое счастье. А с другой — практически приговор. В смысле, ясно,

что теперь не получится просто поиграть в своё удовольствие и отправиться дальше. Какое там дальше, допрыгался, всё! И дело не в том, что он меня теперь не отпустит, — думал Рен, совершенно размякший от его самого удивляющей нежности. — А в том, что сам же не захочу.

Рядом остановилась машина, серый фольксваген-гольф. И хмурый не то от бессонной ночи, не то просто с похмелья наголо бритый мужик средних лет сказал: «Вы же без шапки замёрзнете на хрен. И ещё с таким рюкзаком. Я на вокзал еду, хотите, могу туда подвезти».

Рен не то чтобы действительно мёрз. И идти мог хоть трое суток без остановки, разве только на перекур. Сейчас, когда они с городом только что познакомились, было бы здорово пересечь его весь пешком. Но он поблагодарил бритого и уселся в машину. Во-первых, любая игра становится интересней, когда не прёшь напролом, как решил заранее, а позволяешь обстоятельствам себя вести. А во-вторых, просто нечестно лишать хорошего человека удачи, которую можешь, приняв его бескорыстную помощь, ему принести.

Вокзал оказался в самом центре. Рен вышел, огляделся по сторонам и пошёл по одной из улиц — просто так, без конкретной цели. А если и с целью, то ему самому пока не было известно с какой.

Здесь, в центре, город обнимал его ещё крепче, чем на окраине, хохотал просто так, от избытка чувств, щеко-тал слишком тёплыми для января ветрами, контрабандой притащенными из какого-то позапрошлого лета, звенел вразнобой неурочными колоколами, прыгал, как разыгравшийся пёс. Но Рена было не провести. Сразу всё понял.

Ну, почти сразу, два с половиной квартала к тому моменту успел пройти. Сказал громко вслух, благо улицы были пустынные, как и положено утром первого января:

— Давай показывай, где у тебя болит.

Так на самом деле очень редко бывает — чтобы у города была своя тайная боль. Чтобы испытывать боль, городу нужно иметь совершенно особенное устройство. Быть хотя бы отчасти похожим на человека, иначе просто некому, нечем страдать. Может показаться, городов, похожих на человека, вообще не бывает, однако ещё как бывают! Хотя мало конечно, на пальцах их можно пересчитать.

Город сперва замер, умолк, даже каким-то образом отвернулся, был бы человеком, сейчас то ли драться полез бы, то ли просто пустился бежать. Но буквально секунду спустя передумал сердиться и снова полез обниматься. Ты и это про меня уже понял? И всё равно не уедешь? Будешь со мной дружить? Ты самый прекрасный в мире, я это точно знаю. Ты пришёл специально, чтобы меня спасти?

Ну, на самом деле, не то чтобы специально. Скорее наоборот — в надежде, что в кои-то веки никого ни от чего спастись не придётся, можно будет просто весело погулять.

Ладно, не с моим счастьем, — беспечно подумал Рен. Сунул руки в карманы, потому что без контрабандного тёплого ветра из позапрошлого лета они начали явственно зябнуть, боднул по-кошачьи ближайший тополь — легонько, просто чтобы разрядить обстановку. Сказал:

— И дружить буду, и спасать буду. Куда я от тебя теперь денусь. Давай, веди.

* * *

Возле старинного трёхэтажного дома, в самом начале улицы — ну, предположим, Башенной, надо же как-то её называть — слишком крепкого, чтобы превратиться в руины, но слишком ветхого, чтобы в нём могли жить, Рен некоторое время молча стоял, внимательно прислушиваясь к источнику боли, которую теперь и сам ощущал. Без этого удовольствия он бы с радостью обошёлся, но пока не почувствуешь боль, и причины её не поймёшь.

Наконец Рен сел на ступеньку, ведущую в одну из парадных, схватился руками за голову, пробормотал:

— Блин. Только не это. Пристрелите меня. Ну я попал. — И спросил сердито и ласково, как спрашивают только любимых, сдуру попавших в большую беду: — Как с тобой такое могло случиться? Ты где этот гадский ужас взял?

Город повёл себя настолько по-человечески, что даже смешно — сперва отмалчивался, типа знать ничего не знаю, оно тут само завелось. Потом попытался силой увести гостя из проклятого места: это моя боль, мои проблемы, я привык, я справляюсь, не надо тебе. Но с Реном договориться легко, только когда он сам этого хочет. А во всех остальных случаях — без вариантов вообще.

— Ладно тебе, — сказал Рен. — Ничего мне не делается. И на край света я от тебя не сбегу. За кого ты меня вообще принимаешь? Нормально всё будет. Знаю я это зло. И что с ним делать, знаю... примерно. Чего не знаю, пойму на ходу. Просто я почему удивляюсь — эта дрянь обычно только к людям цепляется. К самым лучшим из них, но всё-таки к людям. Не к городам.

* * *

Рен и правда знал это зло. И имел на него даже не просто зуб, а сотню клыков-кинжалов, которые, впрочем, до сих пор так и не отрастил, хотя мог бы, теоретически. Но это была бы уже совершенно другая, далеко не настолько весёлая и беззаботная жизнь.

Это древнее зло — Рен нарочно не узнавал его настоящего имени, вот ещё, больно честь велика — всегда выбирает лучших из лучших, самых сильных, весёлых и вдохновенных, мечтающих об удивительных чудесах. Втирается к ним в доверие, шепчет что-то невразумительное смутно знакомым голосом, сулит великую участь и возвращение в сокровенный далёкий дом; человеку открытому и неопытному перепутать его с настоящим чудом очень легко. Постепенно зло становится тайным другом, селится в сердце, кормится любовью и радостью, а от этого сердце начинает мертветь. И что бы такой несчастный ни делал, как бы ни рвался изменить своё положение, вернуть себе радость, всё тщетно, всё рассыпается прахом, только множит тоску, отвращает, а то и губит близких и лучших друзей.

Рен таких бедолаг не раз на своём веку встречал, но всегда слишком поздно, когда спасти было толком некого, от сердца уже практически ничего не осталось, да и от самого человека — только обозлённая на весь мир бледная тень. Но город — совершенно другое дело, у города сердце огромное, быстро с таким не расправишься. И это ему повезло.

— Я всегда хотел, — сказал ему город практически человеческими словами, по крайней мере, для Рена они звучали именно так, — чтобы у меня тут жили не только

люди и старые духи леса, но и настоящие волшебные феи, и джинны, как в человеческих сказках, и всякие демоны, и падшие ангелы, а можно даже не падшие, я носом крутить не стану, любым буду рад. Современные люди считают, что ни фэй, ни джиннов, ни демонов не бывает, но я так рассуждаю: когда о ком-то столько историй рассказывают, он точно хоть где-то, да есть. И если так, почему бы феям, джиннам и демонам не поселиться вот прямо здесь? Со мной хорошо! Я же прекрасный, правда?

— Да просто отличный, — подтвердил Рен. — Лучше всех городов на земле.

— Я тоже думал, что лучше всех в мире. Где ещё и жить волшебным существам, если не у меня? Поэтому я верил, надеялся и очень их ждал. И однажды ко мне пришли такие... такие прекрасные! То есть мне сперва показалось, как будто они прекрасные, а на самом деле не очень-то. Но мне же сравнивать было не с чем, в жизни ничего подобного не встречал, — объяснял ему город, путаясь, сбываясь с пятого на десятое, но по-прежнему вполне человеческими словами, всё-таки удивительно, как он выучился говорить. — Пришли и сказали... да много чего сказали! И я им поверил. Я всё перепутал, ошибся, влип. Но я нечаянно! Просто здесь ещё никогда ангелы, джинны и феи не жили, откуда мне было знать, какие на самом деле они?

Оказалось, этот город не только говорить, но и плакать умеет. Да просто как девчонка реветь! Впрочем, плакал город не собственным деревянным-бетонным-каменным телом, а слезами живущих в окрестных кварталах людей. Нечего сказать, весёленькое у некоторых выдалось утро первого января! — сочувственно думал Рен, пока гладил город по растрескавшемуся тротуару, как ребёнка по голове.

* * *

— Бестолочь ты, — наконец сказал Рен. — Самая прекрасная в мире бестолочь. Хуже человеческого ребёнка. Джиннов с феями ему подавай! Ладно, не горюй, всё будет нормально. Когда-нибудь — точно будет! Но первый шаг надо сделать прямо сейчас.

С этими словами он поднялся со ступеньки, на которой сидел, и вошёл в дом. Не особо хотелось близко знакомиться с засевшим там злом, но ничего не поделаешь, надо так надо. Пришлось нанести визит.

Что на Рена в этом доме обрушилось, описать словами не то чтобы невозможно. На самом деле ещё как возможно. Но я не очень хочу. Нет никакой пользы в том, чтобы лишний раз убедительно описывать страшную муку, сумму физической боли сердца, словно бы пронзённого ржавой иглой, и душевной боли сознания, сокрушённого полной уверенностью в тщетности любого усилия — что ни сделай, только ещё худших бед натворишь.

Ну ни фига себе какой стойкий город! — изумился Рен. — Невзирая на весь этот ужас, полон жизни, прыгает, вселится, с каждым встречным хочет играть и дружить. Не влюбился бы в него практически с первого взгляда, ещё в том дурацком сугробе, это случилось бы прямо сейчас.

Однако Рен не затем зашёл в заброшенный дом, в силу стечения каких-то неведомых обстоятельств ставший израненным сердцем города, чтобы ещё больше — куда уж больше-то?! — его полюбить. А чтобы проверить одну гипотезу, которая даже по его меркам была вполне фантастической. Но подобные дела именно фантастическими способами и улаживаются. А как ещё.